

Неделя. — 1992. — май (№20). — с. 14.

ИЗ ЖИЗНИ ЗВЕЗД

— С тех пор, как я стал актером, я думал об этой роли всегда. Очень люблю эту пьесу. Когда я только начинал работать в «Современнике», там играли «Сирано де Бержерак». Но я был для этой роли еще очень молод...

В «Сатириконе» я тоже не мог ее сыграть, потому что здесь не могли идти такие пьесы — это был театр Аркадия Райкина. Мы играли вместе с отцом шесть лет. Об изменениях, которые произошли с нашим театром за последние годы, мы в свое время говорили с папой. Мы уже не эстрадный театр, хотя родом из эстрады. Наш театр — драматический, ансамблевый. Сегодня в афише театра такие авторы, как Шварц, Жене, Ростан. Самое большое достижение театра — зрительный зал всегда переполнен.

Мы хотели спектакль «Сирано де Бержерак» посвятить Аркадию Райкину. Я думаю, что судьба настоящего артиста — это всегда в чем-то судьба Сирано. Человек, выходящий на сцену, как никто знает, что такое успех. Но в этой профессии есть трагизм сиюминутности. Талантливый, бесконечно порядочный поэт-артист, чья жизнь и искусство не вечны, — этим отец похож на Сирано.

— А вы, оказавшись, подобно Сирано, перед выбором, вы бы признались в своей любви или хранили бы тайну всю жизнь?

— В жизни иногда кажется, что признался бы, иногда — что нет...

В один из последних апрельских дней на сцене московского театра «Сатирикон» состоялась премьера спектакля «Сирано де Бержерак» по пьесе Э. Ростана. Это первая совместная работа труппы театра «Сатирикон» и работающего под его крышей уже два года контрактного театра Антона Чехова, ярко заявившего о себе спектаклями «Вишневый сад» А. Чехова и «Там же, тогда же» Б. Слэйда.

Именно сегодня, когда хаос вокруг доводит до отчаяния и жить становится неуютно и одиноко, режиссер Леонид Трушкин ставит спектакль о чистой, возвышенной любви, дружбе, честности, благородстве. Сирано де Бержерак — заслуженный артист России Константин Райкин.

Фото В. АХЛОМОВА.

РАЙКИН-МЛАДШИЙ

НЕ ЛЮБИТ НЕВЕЗУЧИХ

А в искусстве, в работе я сторонник системы Михаила Чехова. Поэтому считаю, что в результате слияния актера с персонажем должно рождаться нечто третье. Если я играю эту роль, это не значит, что в жизни буду поступать так, как мой сценический герой.

— Двух персонажей, сыгранных вами за последние два года в спектаклях театра Антона Чехова — по-чеплински прозительного Джорджа из «Там же, тогда же» и Сирано, — объединяет то, что им сопутствовала неудача. А вы — везучий человек?

— Не люблю невезучих и не люблю неудачников. Удачу надо создавать. Кроме того, мне кажется, что Джордж — отнюдь не не-

удачник: он же выиграл такую любовь в жизни! И он — не маленький человек, потому что движим большими, мощными силами души. А для Сирано, по-моему, главное — не любовь. Она для него необходима, но — недостаточна. Он знает, что есть Бог и Совесть, и в результате прожитой жизни он приблизился к Богу, поэтому его нельзя назвать неудачником.

Мы много сил потратили, чтобы видно было, как характер Сирано меняется, как от гордеца он пришел к человеку гармоничному. В конце спектакля у Сирано даже исчезает его огромный нос, он как бы преодолевает свое уродство.

— Скажите, а кинематограф предлагает вам роли подобного

масштаба?

— Сценарии предлагают часто, но все неинтересные. Год назад я снялся у Михаила Козакова в фильме «Тень» по сказке Шварца, сыграл там две роли — Тень и Ученого. Осенью этот фильм должен выйти на экраны. А вообще-то я всегда легко обходился без кино, а кино легко обходится без меня.

— Сейчас многие театры сетуют на отсутствие денег, зрительского интереса. А у вас зал полон. Есть ли проблемы у «Сатирикона»?

— Денежные проблемы есть, но мы их решаем с помощью спонсоров. Для театра единственное мерило успеха — ходит или не ходит публика. Хороший театр, в который не ходят зрители, — это же аб-

сурд. Раньше было принято говорить, что не дают ставить интересные пьесы, теперь говорят — не ходят в театр, потому что такое время. Легко сваливать все на время...

— Изменились ли за последние годы зрители, стала ли другой их реакция?

— Да, люди, по-моему, становятся восприимчивее, сложнее и многомернее воспринимают жизнь. Всем нам сейчас просто необходимы праздник, надежда, любовь, свет, причем в энергичном, атакующем виде. Поэтому у нас и появился «Сирано де Бержерак». Сейчас репетируем «Многомольер» Мольера. Это последняя написанная им пьеса. Он сыграл ее четыре раза и умер после спектакля. «Мнимый больной» — смешная, яркая, талантливая, карнавальная вещь. Необходимость праздника, подъема души чувствует даже умирающий. Поэтому и Вахтангов незадолго до смерти поставил искрящуюся смехом, полную юмора и праздника «Принцессу Турандот».

— Аркадий Исаакович всю жизнь боролся со сценой с хамством, глупостью, бюрократизмом. А ваш главный враг?

— Рабство, страх. Рабство — одно из самых трудно искорени-

мых явлений, его еще полно в нашей жизни. А в общем-то искусство не может само по себе изменить жизнь. Человек может стать другим на два часа, которые идет спектакль, но когда спектакль окончится, он вновь станет самим собой.

— А каким должен быть актер, если он действительно хочет иметь какое-то влияние на зрителя?

— Без мощной энергии, идущей от тебя в зрительный зал, нельзя быть актером, невозможно выигрывать. Современный артист — это поджарое существо, способное в нужный момент собраться, сконцентрировать волю. Со скорбью должен заметить, что сегодняшние студенты театральные институтов — в основном тепличные растения. Артист должен быть мощнее, ярче, уметь хорошо двигаться, потому что его тело — это его язык. На Западе этим владеют все актеры, выходящие на сцену, — это в порядке вещей. Такая уж профессия.

Светлана ЛУКАНИЧЕВА.